

ПЕДАГОГИКА И ФИЛОСОФИЯ: ДУХОВНО-МЕНТАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

Л. Н. Шеховская

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
shehovskaya@bsu.edu.ru*

Идея диалектического взаимодействия педагогики и философии традиционно разрабатывалась выдающимися русскими мыслителями философии и педагогики второй половины XIX – первой половины XX века. Данная статья демонстрирует, что в центре этого взаимодействия они увидели духовность как основное качество личности. К. Д. Ушинский считал, что без философии невозможно понять идеал педагогики: он является критерием оценки различных педагогических теорий, способствует сознательному выбору методов воспитания. Вслед за К.Д. Ушинским М.И. Демков, чья педагогическая работа проводилась на рубеже XIX и XX веках, признавал, что плоха та педагогика, которая не опирается на философию. В.В. Зеньковский в XX веке отстаивал мнение, что педагогика в целом – ее цели, а также методы ее влияния на личность – требует философского осмысления.

Автор статьи демонстрирует жизнеспособность идеи о духовном единстве педагогики и философии, показывает, что в настоящее время она разрабатывается учеными с позиций христианского мировоззрения.

Ключевые слова: педагогика, философия, диалектика взаимодействия, христианский идеал, духовный и интеллектуальный диалог.

Диалектическое единство педагогики и философии является основой мировоззрения философско-педагогических мыслителей второй пол. XIX – первой пол. XX вв. По мнению К. Д. Ушинского и его последователей, определение цели воспитания показывает тесную связь между воспитанием и философскими науками. О необходимости философских знаний для педагогов и воспитателей писали и русские философско-педагогические мыслители первой пол. XX века. (Бердяев, Зеньковский, Ильин и др.). Педагогика даёт философии материал для познания: человек как предмет воспитания становится главным объектом в духовно-ментальном диалоге философии и педагогики.

В христианском мировоззрении философско-педагогических мыслителей второй пол. XIX – первой пол. XX вв., в принципах христианской антропологии, которые они развивали и углубляли в осмыслении идеала личности, анализ выявляет диалектическое единство педагогики и философии.

В.В. Зеньковский считал цель воздействия воспитателя на воспитанника той стороной в педагогике, которая может быть освещена лишь философией – этикой, философией религии, эстетикой. Но и материал, над которым работают педагоги, требует философского осмысления, потому что именно благодаря ему избирается метод воспитания. «Безусловно, – писал В.В. Зеньковский, – необходимо знать цель воспитания, т. е. надо уяснить философскую сторону вопроса, которая при том или ином разрешении может коренным образом изменить постановку проблемы воспитания» [1, 28].

Если следовать тезису о том, что наука возникла из философии, то можно утверждать, что педагогика как «собрание наук», «собрание знаний, необходимых и полезных для педагога» (Ушинский), тоже возникла из философии. Это измерение у него называется педагогикой в широком смысле слова. Но, отмечал он, есть и педагогика в тесном (узком. – Н. Ш.) смысле как собрание воспитательных правил, как синтез технологии обучения и искусства воспитания. И в таком смысле она исторически предшествовала философии. Действительно, прежде чем у человека возникли потребность и необходимость в познании себя и мира, появилось понимание того, что без передачи молодому поколению знаний, умений, навыков невозможно продолжение рода. Таким образом, можно сказать, возникла «первобытная», народная педагогика.

Осмысление цели и задач воспитания, став нравственной потребностью мыслящего человечества, могло совершаться (и совершается поныне!) прежде всего в интеллектуальном пространстве философии, на ее основе. Философия выдающихся мыслителей – Платона, Сократа, Аристотеля, Канта, Гегеля – включает в себе огромный педагогический потенциал именно потому, что приближает нас к познанию сущности человека, раскрывает глубинный смысл духовно-нравственного воспитания личности. Но сколь педагогична философия, столь же философичны взгляды тех, кто достиг вершин педагогической мысли – Коменского, Гербарта, Песталоцци, Дистервега, Пирогова, Ушинского и др.

Исследователь истории педагогики М.И. Демков утверждал, что до Яна Амоса Коменского «ни один мыслитель-педагог не думал в деле воспитания опираться на философские знания» [2, 455]. Коменский сделал это первым. Будучи последователем английского философа Фрэнсиса Бэкона, отстаивавшего принцип природосообразности в устройстве общества и эмпирический метод познания, Коменский овладел этим «ключом к природе» и разработал, по словам М. Демкова, стройную теорию воспитания, привел в систему все вопросы физического, умственного, нравственного и эстетического воспитания.

В русской педагогической мысли XIX в. принцип диалектического единства педагогики и философии обретает силу традиции – но не консервативной, отягочающей науку догматически авторитетным опытом, а перманентно развивающейся, обогащающейся опытом поиска и инновациями.

К.Д. Ушинский считал, что в России первым взглянул на дело воспитания с философской точки зрения Н. И. Пирогов и благодаря этому увидел в воспитании не вопрос школьной дисциплины, дидактики или правил физического воспитания, но глубочайший вопрос человеческого духа – «вопрос жизни».

Сам К.Д. Ушинский был убежден в том, что определение цели воспитания является лучшим пробным камнем всяких философских, психологических и педагогических теорий.

«Здесь, показывается вся тесная связь, которая существует между воспитанием и философскими науками и которой так упорно не хотят многие понять у нас», – писал он [3, 418].

К. Д. Ушинский видел прочное основание народного образования в таких педагогических убеждениях, которые выработаны в органической связи с философией.

«Основная идея народного образования, – утверждал К.Д. Ушинский, – есть прежде всего идея глубоко философская и идея психологическая» [3, 421].

В изучении философии и выработке на ее основе мировоззрения К. Д. Ушинский видел духовный и интеллектуальный иммунитет, который необходим молодежи, легко увлекающейся модными псевдонаучными теориями. «Пока в университетах наших, – писал педагог-философ, – наше юношество не будет иметь возможности познакомиться с историческим ходом философского мышления, до тех пор мы не будем обезопасены от распространения в нашем обществе всевозможных нелепиц, выдающих себя за философские выводы» [3, 242].

Творческий последователь К.Д. Ушинского П.Ф. Каптерев шел дальше него, доказывая необходимость изучения философии не только в университетах, но и в гимназическом курсе.

Тот факт, что и К.Д. Ушинский, и П.Ф. Каптерев оказались неслышанными организаторами российской системы образования в течение многих десятков лет подчеркивает, насколько дальновиден и справедлив был К. Д. Ушинский, когда предупредил, что «недостаток философского образования... будет еще долго камнем преткновения в нашей воспитательной деятельности» [3, 421].

Не получившая философского осмысления своих целей и задач педагогика, предупреждал П.Ф. Каптерев, приобретает рецептурный характер, становится бездушным сводом инструкций, правил, указаний. Под именем изучения педагогики, писал педагог-философ, разумеют обыкновенно изучение тощего рецептурного учеб-

ника педагогики, знание которого едва ли может принести какую пользу, и некоторое знакомство с историей педагогики.

Такая подготовка будущих педагогов, делал вывод П.Ф. Каптерев, лишает их возможности осмысливать свою деятельность, позднее они становятся заурядными ремесленниками, «дальше удачной выучки какому-нибудь предмету, ничего не видящими и не знающими, легко впадающими при воспитании живой человеческой личности... в крайнюю рутинность и механизацию» [4, 62].

М.И. Демков считал, что уяснение принципов воспитания «возможно только при свете философии, которая во все времена влияла на все отрасли знания, особенно же на педагогику» [5, 206]. Он безоговорочно соглашался с Песталоцци, утверждавшим, что учение Христа есть лучшая воспитательная философия народов.

По мнению М.И. Демкова, если педагогика должна черпать свои основы и силы из народных идеалов, выражаемых в поэзии, литературе, философии, то «сама наука и философия должны почерпать необходимую силу для дальнейшего развития в прочной национальной педагогической системе» [5, 50].

«Плоха та педагогика, – резюмировал ученый, – которая не опирается на философию» [6, 40].

Идея о необходимости и обязательности философских знаний как для педагога, воспитателя, так и для его воспитанников традиционно отстаивалась и развивалась впоследствии русскими философско-педагогическими мыслителями XX века. Подтверждение тому – и в точке зрения В.В. Зеньковского, приведенной выше, и в утверждении И. А. Ильина, что преподавание философии необходимо, но возможно преподавание только такой философии, которой чужды вненаучные излияния и умственные мечты, личные химеры. С. И. Гессен находил, что преподавание философии желательно проводить в тесной связи с ее практическими приложениями. «Поэтому философский путь, – писал он, – нам представляется преимущественно как путь педагогический» [7, 304].

Связь педагогики и философии исторична. Раскрывая этот тезис, педагог-философ подчеркивал, что педагогические принципы, их характер и основы исторически развиваются в непосредственной связи с развитием философской мысли и отражают ее направленность и содержательность.

Педагогика, по мысли Гессена, развивается творчески и наиболее плодотворно в том обществе, где существует свободная, независимая, самостоятельная философия, обретающая в ней свое практическое приложение. Напротив, если педагогическая мысль заглушается техническими и политическими вопросами, мы имеем все основания искать причину ее вырождения в отрицании самостоятельности философского знания. Свобода или несвобода педагогики, ее особое место в обществе, ее независимость или – напротив – зависимость от политики и техники определяются, таким образом, отношением общества к философскому знанию, тем, насколько неподвластна философия политической конъюнктуре.

«Воспитатель ребенка должен сочетать, – писал педагог-философ, – глубокое знание его психофизического организма с философской интуицией той цели, которую он намерен достичь своим образованием» [7, 99].

Однако развитие традиции, рассматривавшей педагогику и философию в диалектическом единстве, было в XX веке (до 90-х годов) скорее дискретным, чем перманентным по объективным причинам.

В XX век русская педагогическая мысль, по утверждению В.В. Зеньковского, вступила с живой идеей целостного воспитания. И в этой идее воплощалось единство педагогики и философии. Оптимизация процесса интеграции педагогики и философии могла быть обеспечена тем, что в этот период, как писал другой религиозно-философский мыслитель Б.П. Вышеславцев, предчувствовался подлинный расцвет русской философии и русской духовной культуры. Но, по его же заключению, этот расцвет был сразу оборван принудительным марксизмом и коммунизмом.

Идея диалектического единства педагогики и философии, их интерферентности и интегративности, прерванная в советских условиях, активно, однако, развивалась философско-педагогическими мыслителями русского Зарубежья в первой половине XX в.

Концептуально-логическим основанием этой идеи является признание и осмысление того факта, что и философия, и педагогика устремлены в конечном итоге к одной цели – духовному преобразованию мира через духовно-нравственное возвышение личности, формирование у нее гуманистически осознанного и нормативно освоенного ценностно-целевого императива.

Настоящий философ, согласно Н.А. Бердяеву, хочет не только познания, но изменения, улучшения, перерождения мира. И.А. Ильин был убежден в том, что настоящая, большая философия исследует то, *ради чего человеку и человечеству только и стоит жить на земле*, и потому она слагается в переживании и познании тех ценностей, через которые приобретает свой смысл и значение человеческая жизнь. В.В. Зеньковский указывал на то, что русская философия «больше всего занята темой о человеке, его судьбе и путях, о смысле и целях истории» [8, 18], в русской философии всюду доминирует моральная установка.

Педагогические идеи русских философско-педагогических мыслителей не просто связаны, но прямо вытекают из понимания ими содержания, целей и задач философии, ее методов познания мира и человека.

Философия, по Н.А. Бердяеву, глубоко духовна, и духовностью определяется ее творческое становление; ее высший смысл – познание жизни духа. «Философия есть самопознание духа, – утверждал он, – и она не может быть независимой от той или иной направленности духа. Философия определяется структурой духа, его качественностью, его обращенностью к высшему или низшему миру...» [9, 24].

По мнению И.А. Ильина, «философия имеет свою научную лабораторию, и это – лаборатория духа» [10, 22]. Философия вершится как духовное познавательное творчество. И.А. Ильин называл философию знанием о важнейшем – о духе, а философствование – творческой жизнью души, душевно-духовным деланием.

В.В. Зеньковский, исследуя историю русской философии, делал вывод, что философия как самостоятельная и свободная форма духовного творчества родилась из недр религиозного мировоззрения. Подлинной философии чужды голые абстрагирование, умозрительные заключения, отрыв от жизненных реалий.

«Философия есть наука о жизни» [10, 39], – утверждал Ильин и конкретизировал: «философия рождается от жизни духа и от духовной жизни» [10, 59].

Духовность как высшая качественность философии, связь философии с жизнью как объектом познания и источником знания предопределили отношение мыслителей к опыту как методу познания. Утверждая его приоритетность, они имели в виду прежде всего не объективированный, овеществленный опыт, а духовный опыт.

Философ, считал И.А. Ильин, питается духовным опытом своего народа. «Личный духовный опыт философа, – писал он, – в глубине своей связан происхождением, подобием и взаимодействием с опытом родного народа; ему удастся выработать этот опыт и мобилизовать его, осуществить и осмыслить тем легче и тем продуктивнее, чем выше и зрелее духовный опыт его народа» [10, 57].

И.А. Ильин писал об интуитивно-опытной практике, об интуитивном опыте. Соотношение опыта и интуиции философ выстраивал в иерархически-временной зависимости: «мысли предшествует видение (интуиция); видению предшествует опыт» [10. – С.26].

Конкретность духовного опыта и связанной с ним интуиции философские мыслители считали проистекающими из того, что философствует и познает конкретный человек, а не отвлеченный универсальный дух. Невозможно отделить философское познание, считал Н.А. Бердяев, от совокупности духовного опыта человека: «Христианская философия есть философия субъекта, а не объекта, «я», а не мира» [9, 97].

«Философское познание, – был убежден Ильин, – требует высокой лично выращаемой и осуществляемой духовной культуры» [10, 28].

Педагогический «инструментарий» познания человека был бы неполным без философской методологии, считает современный российский философ А.С. Арсеньев: «включения интуиции, эмпатии, образного мышления, фантазии», педагогика «должна быть «замешана» на любви (если бы действительно было так!)», «требует непосредственности личностного общения» [11, 471], а не социального общения, опосредованного социальными отношениями и внешней действительностью.

Идею единства философии и педагогики с логической строгостью, глубокой доказательностью развивает другой наш современник, философ и педагог А.А. Корольков. Философия и педагогика едины в осмыслении идеала человека, в их возможной наполненности душевностью и духовностью. «Русские философы размышляли не о чистоте крови, – пишет А. А.Корольков, – а о чистоте помыслов, идеалов, о правде жизни, поэтому философия наша была озабочена спасением России как духовного материка, пристанище на котором может найти человек любой нации» [12, 197].

Дать нравственное воспитание обитателям этого «духовного материка» призвана педагогика. Но сделать этого она не может без философского осмысления сущности и назначения человека: «В самом деле, разве не встают перед мыслящим педагогом вопросы идеального, духовного в их соотношении с материальным?», – спрашивает А.А. Корольков [12, 229].

Диалектическое единство философии и педагогики, по мнению А.А. Королькова, достигается тогда, когда органически слиты, нерасторжимы философия человека и социальная философия, сфокусированная на становлении личности в ходе воспитания и обучения. «Это и есть философия образования», – подытоживает философ.

На методологическое значение принципа диалектического единства педагогики и философии указывает В.А. Сластенин. Какими особенностями и возможностями обладает образование, чтобы осуществлять социализацию человека и гуманизацию общества? «Ответ на этот вопрос, – пишет ученый, – может быть найден при рассмотрении ряда фундаментальных философских проблем...» [13, 220]. «Сегодня, – считает В.А. Сластёнин, – возникает необходимость опереться на философскую антропологию... Воссоздавая некий целостный образ человека, ученые формулируют связанную с этим образом систему представлений и понятий, с помощью которых оказывается возможным актуализировать старый философский принцип, рассматривающий человека как «меру всех вещей» [13, 220–221].

Ментальное и нравственное единство русских философско-педагогических мыслителей основано на христианском мировоззрении, в котором личность целостна, свободна, осознает единство Творца и творения и видит свое жизненное предназначение в продолжении Божьего творчества.

Принципиальное значение для современной педагогики имеет утверждение о том, что привлечение идей христианской философии к пониманию жизни души и внутренней диалектики ее исканий нужно не для отдельных форм и видов воспитания, но для всей педагогики в целом (Зеньковский).

Одно лишь христианство, обоснованно считали рассматриваемые философско-педагогические мыслители, может оплодотворить педагогическую мысль, может срастись с педагогическими интуициями.

Христианская нравственная философия, положенная в основу христианского мировоззрения, выступает во взглядах философско-педагогических мыслителей второй половины XIX – первой половины XX вв. в настолько тесном единстве с педагогикой, что многие из них называли педагогику прикладной философией, т. е. практически, в деле воспитания реализующей философские идеи, принципы, установки.

Педагогика, оставаясь самостоятельной наукой, дает философии «материал» для познания: человек как предмет воспитания становится главным объектом в духовно-ментальном диалоге философии и педагогики.

Список литературы

1. Зеньковский, В.В., Педагогика, Клин, 2002.
2. Демков, М.И. Педагогические гипотезы и теории, их историческое и современное значение. Педагогический сборник № 6, СПб, 1900.
3. Ушинский, К.Д. Педагогические сочинения: В 6 т., т. 2, Москва, 1988.
4. Каптерев, П.Ф. Педагогика – наука или искусство? Избранные педагогические сочинения, Москва, 1982.
5. Демков, М.И. О задачах русской педагогики. Русская школа, № 3, Спб, 1892.
6. Демков, М.И. О русском семейном воспитании. Вестник воспитания, кн. III, Москва, 1894.
7. Гессен, С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию, Москва, 1995.
8. Зеньковский, В.В. История русской философии, В 2-х томах, т. 1, Ростов-на-Дону, 1999.
9. Бердяев, Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии), Москва, 1990.
10. Ильин, И.А. Религиозный смысл русской философии. Три речи. Собрание сочинений: в 10 т., т. 3, Москва, 1994.
11. Арсеньев, А.С. Философские основания понимания личности, Москва, 2001.
12. Корольков, А.А. Духовная антропология, СПб, 2005.
13. Слостёнин, В.А. Слостёнин, Москва, 2000.

PEDAGOGICS AND PHILOSOPHY: SPIRITUAL AND MENTAL DIALOGUE

N. L. Shehovskaya

*Belgorod
State
University*

*e-mail:
shehovskaya@bsu.edu.ru*

Idea of dialectic interaction of pedagogics and philosophy was traditionally developed by Russian great philosophical and pedagogical thinkers of the second half of the XIX – the first half of the XX centuries. It is demonstrated in the article, that at the heart of this interaction they saw spirituality as the main quality of a personality. It is K. D. Ushinsky's opinion that without philosophy it is impossible to understand the pedagogical ideal: it is a criterion of estimation of different pedagogical theories, promotes conscious choice of methods of upbringing. Following K.D. Ushinsky M.I. Demkov, whose pedagogical work took place on the Border of XIX and XX centuries, admitted without any appeal, that bad is the pedagogics, which does not rely on the philosophy. V.V.Zenkovski in the XX century upheld the opinion, that pedagogics in the whole – its purposes as well as its methods of its influence upon a personality – requires philosophical understanding.

The author of the article reveals vitality of the idea of spiritual and mental unity of pedagogics and philosophy, shows that nowadays it is being developed by scientists from the positions of Christian world view.

Key words: pedagogy, philosophy, dialectic interaction, Christian ideal, spiritual and mental dialogue.